

Ночь становилась всё глубже. Дым от очагов в крепости семьи Ли уже давно рассеялся. Полчаса назад Чжуан Чэн во весь опор примчался обратно, привезя с собой не только доверху гружённую повозку с зерном, но и волнующую новость.

Глава крепости женится!

Мужчины и женщины, старики и дети крепости семьи Ли тут же принялись за дело. Кто-то резал кур, кто-то — быков, кто-то тащил бочонки с вином. Из погребов достали даже восемнадцатилетнее вино «Наньпоинь», хранившееся там годами. Работа кипела.

Несколько крепких парней рубили сечку для лошадей, их тесаки звонко стучали. Они громко переговаривались:

— Интересно, как выглядит госпожа? Говорят только, что он из столицы.

— У главы есть его портрет. Я как-то зашёл к нему в комнату, мельком взглянул, так он тут же его свернул и велел мне убираться. Прячет, не показывает никому!

Говоривший парень скривил губы и вытер руки полотенцем, висевшим на плече. В этот момент его уши уловили знакомый стук копыт. На смуглом лице вспыхнуло небывалое оживление, брови взлетели вверх, и юноша со всех ног бросился вперёд.

— Глава вернулся!

Двое оставшихся парней переглянулись, бросили тесаки и тоже кинулись следом.

— Глава!

Несколько зычных криков прокатились от начала до конца крепости. В одно мгновение все — и стряпухи, и прачки-гээр, и сидевшие без дела старики, и даже малыши, гонявшие мяч, — бросились к воротам, чтобы поглазеть на диковинку.

— Тпру!

Едва Вэй Сяо спешил, как его тут же окружила плотная толпа. Он нахмурился, обвёл всех ледяным взглядом и махнул рукой:

— Что столпились? Обезьяну увидели? А ну разойдись! Пошли, пошли!

Люди, толкаясь, расступились, образовав проход. Хоть они и не решались подойти ближе, но всё равно вытягивали шеи и привставали на цыпочки, чтобы хоть одним глазком увидеть «госпожу-супругу главы крепости».

— Эй, впереди, присядьте! Мы сзади ничего не видим! Какой он, эта госпожа?

— Да не шумите вы! Мы и впереди ничего не видим!

— А я вижу! Красивый! Как... как с картинки сошёл!

В столице было принято соблюдать приличия, особенно по отношению к гээр, чтобы ненароком не оскорбить. Но эти люди, выросшие в горах, не знали таких тонкостей. Их нравы были просты и свободны, они действовали прямо, смотрели в упор и без умолку обсуждали увиденное.

Хоть Дуань Фэньюэ и славился в столице своим дерзким нравом и пренебрежением к традиционным добродетелям, но такого обращения, словно он какой-то актёр на подмостках, юноша ещё не испытывал. Кровь бросилась ему в голову, он в ярости забился, колотя Вэй Сяо руками и ногами.

— Ммф! Мм-ммф!

Человек, которого он нёс на плече, не унимался даже с кляпом во рту. После тряски в повозке он на время затих, но теперь снова принялся буйствовать. Вэй Сяо, не обращая внимания на удары, ускорил шаг, уходя от толпы.

Небольшой дворик в юго-западной части крепости долгое время пустовал. Полмесяца назад глава крепости велел отремонтировать и обставить его по образу и подобию усадеб Юаньваев из городка у подножия гор. Жители, видя такую роскошь, совершенно не свойственную мужчине, сгорали от любопытства. Они догадывались, что грядет нечто важное, но вытянуть из него хоть слово было невозможно. Тогда люди решили попытаться счастья у второго главы, Пэй И.

Пэй И тогда лениво обмахнулся веером, отпил чаю и, прищурившись, загадочно произнёс:

— Ваш глава... скоро обретёт своё счастье.

С того самого дня по всей крепости разнёсся слух: «Глава женится, у крепости семьи Ли будет своя госпожа-супруга».

Толпа зевак осталась позади. Вэй Сяо в одиночку донёс Дуань Фэньюэ до дворика. Он бросил отобранный хлыст за воротами, с грохотом распахнул дверь ногой. От этого грубого движения пленник на его плече вздрогнул и снова яростно забрыкался.

— Ммф! Мм-ммф!

Вэй Сяо откинул занавеску из жемчужных бусин и широкими шагами вошёл во внутренние покои. Всю дорогу он вёл себя как порядочный человек, но теперь не смог сдержаться и с силой шлёпнул извивающегося пленника по ягодицам.

— Что ты там мычишь, хватит буяннить!

По месту, которого с самого детства никто не касался, пришёлся шлепок. Даже сквозь ткань кожу обожгло болью, но ещё невыносимее было... Дуань Фэньюэ широко распахнул глаза. Они наполнились слезами, которые тут же заблестели на ресницах, словно прозрачные жемчужины.

«Как он посмел дотронуться до этого!»

Вэй Сяо бросил его на кровать. Несмотря на мягкую и толстую перину, Дуань Фэньюэ, привыкший к неге, почувствовал, как всё тело заныло, и глухо застонал.

Мир перевернулся. Перед его глазами предстали внутренние покои, убранные как для свадьбы: красные свечи, туалетный столик, ароматические мешочки, шёлковый полог... Яркий, огненный цвет резал глаза. Юноша замер, а затем, почувствовав острую боль, поспешно зажмурился.

Отец умер больше полугода назад, и всё это время Дуань Фэньюэ носил траур, каждый день вознося молитвы и сжигая благовония. Куда бы он ни пошёл, его окружал скорбный белый цвет. Внезапно увидеть в этом разбойничьем логове такой весёлый, кричащий цвет было невыносимо больно.

Фигура Вэй Сяо у кровати шевельнулась, словно он собирался подойти. Дуань Фэньюэ тут же опомнился и, отчаянно барахтаясь, пополз назад. Но этот здоровенный бандит неожиданно развернулся, откинул занавеску и вышел.

— Тётушка Хэ, Сю Нян, переоденьте его!

— Да-да, идём, глава. Вот ваша одежда, вы тоже скорее переодевайтесь, а то на пир опоздаете.

Снаружи донеслось несколько фраз, и тут же занавеску откинула полная женщина средних лет в сиреневой жуцюнь с платком на голове.

— Ох! Что же это вы его как кулёк связали? И рот заткнули? — ахнула она.

Стоявшая за ней стройная Сю Нян с праздничной одеждой в руках, увидев пленника с

покрасневшими от слёз глазами и растрёпанными волосами, тоже прониклась сочувствием.

— Глава такой... ладно, что с неженатого мужлана взять, неуклюжий, грубый. После свадьбы исправится.

Тётушка Хэ и Сю Нян почти развязали верёвки. Едва они вынули кляп изо рта Дуань Фэньюэ, как он пошатнулся и чуть не упал. Сю Нян тут же бросилась его поддержать. Тётушка Хэ хотела было подхватить его за грудь, но юноша оттолкнул её руку.

Не в силах подойти, женщина только и могла, что в отчаянии причитать:

— Что такое, что с ним?!

Ответом ей был сдавленный кашель.

Дуань Фэньюэ, оперевшись о край кровати, давился рвотными позывами. Этот бандит был просто невыносим. Два часа назад он вытащил его из повозки прямо в свои объятия. Пленник пытался отбиться хлыстом, но тот вырвал его из рук. Вне себя от ярости, Дуань Фэньюэ, весь красный, обозвал его наглецом.

Даже столичные повесы, и те имели хоть каплю стыда и непременно бы вспылили, если бы их избili и обругали. А этот мужлан лишь с интересом приподнял бровь, провёл рукой по его щеке и сказал:

— И в гневе хорош, лицо как закатное облако... Пэй И, что значит то слово, которым он меня обозвал?

Второй глава заметно помедлил, затем, обмахиваясь веером, с сочувствием ответил:

— Он назвал тебя бесстыдником.

Дуань Фэньюэ не ожидал такой наглости. Он широко распахнул глаза, дрожа от стыда и гнева, и, не расслышав их дальнейшего разговора, впился зубами в руку Вэй Сяо.

Тот, словно его осенило, воскликнул «о!», быстро отдернул руку и посмотрел на него со странным, нескрываемым восторгом. Глава порывлся за пазухой, достал платок и молниеносно сунул его в кусающийся рот Дуань Фэньюэ.

— Бесстыдником меня назвал, да? А хочешь, я тебе покажу, что такое настоящий бесстыдник?

— усмехнулся он.

Дуань Фэньюэ почувал в его взгляде какой-то намёк и содрогнулся. Вэй Сяо ловко выпросил у своих людей верёвку, связал его, как кулёк, легко закинул на плечо, свистнул и, хлестнув коня хлыстом Дуань Фэньюэ, помчался прочь.

Платок пах землёй, кровью и потом. Всю дорогу юношу трясло в седле, и он грыз эту тряпку, пока его не начало тошнить.

«Этот ублюдок!»

Переведя дух, Дуань Фэньюэ наконец перестал давиться рвотными позывами. Он вытер губы тыльной стороной ладони, пригладил волосы и, приведя себя в порядок, взял чашку с водой, которую ему протянула тётушка Хэ.

Ночь была в самом разгаре.

Вэй Сяо, пошатываясь от выпивки, подошёл к двери в небольшую комнату в западном дворе.

Двое дюжих охранников, Фэн Ху и Фэн Лун, тут же вскочили на ноги и выдавили пару поздравительных фраз:

— Поздравляем главу! Поздравляем! И это... скорейшего вам наследника!

— Один ваш глава наследника не сделает, — лениво хмыкнул Вэй Сяо и хлопнул Фэн Ху и Фэн Луну по плечам. — На кухне для вас оставили закуски и два кувшина доброго вина. И зерна, что сегодня привезли, возьмите себе по мешку... Идите, нечего тут торчать!

Охранники радостно поблагодарили и ушли. Вэй Сяо, напевая под нос, поплыл к двери. Сдерживая рвущийся наружу восторг, он неловко повернул ключ в замке.

В крепости все женились рано. У Чжуан Чэна, например, было двое детей. Пэй И хоть и не был женат, но уже два года как имел возлюбленную в Павильоне Пьяных Цветов. Один лишь глава был одинок, как перст.

Раньше тётушка Хэ пыталась найти ему супруга. Она перебрала всех, каких только могла вспомнить, но всё без толку. Тот был хорош собой, и многие юные гээры тайно вздыхали по нему, но Вэй Сяо никто не нравился.

Однажды женщина, доведённая до отчаяния, схватила тесак, села у его порога и закричала:

— Глава! Ты позоришь меня как сваху! Скажи, кто тебе нужен? Не может быть, чтобы я и в соседнем уезде не нашла!

Вэй Сяо, прислонившись к дверному косяку и жуя травинку, наблюдал за её представлением. Он серьёзно задумался и ответил тремя словами:

— Чтобы был красивым.

Тётушка Хэ чуть не задохнулась от злости.

— А дочь Чжана некрасивая? За ней все парни в округе бегают, а она на тебя одного глаз положила, а ты ещё и нос воротишь! Тебе что, фею с небес подавай?

Вэй Сяо действительно кивнул.

— Да.

Ему нужна была фея с небес, на меньшее он был не согласен.

Когда старый глава был ещё жив, он, возвращаясь с охоты, любил хвастаться:

— Мой супруг был так красив, что равных ему не было ни на земле, ни на небе. Жаль, здоровьем был слаб, рано ушёл. А то оставил бы мне сына или дочь, куда красивее тебя. Ты-то, конечно, тоже ничего, да только с детства в волчьем логове рос, кровью от тебя несёт.

Вэй Сяо тогда было двенадцать. Он сидел у костра и грелся, лишь холодно покосился на него.

Старый глава тут же ойкнул, отложил нож и потёр руки.

— Ты так на людей не смотри, а то подумают, что волк их съесть хочет! Слушай меня: найди себе, как и я, супруга, красивого, как фея, роди ребёночка, и заживёшь счастливой жизнью. Только тогда, парень, ты человеком станешь, поймёшь, что значит пожить на этом свете!

Дуань Фэньюэ был самым красивым человеком, которого Вэй Сяо когда-либо видел. Один лишь взгляд на портрет — и он был покорён. Глава целыми днями ждал, когда же его пришлют из столицы. А когда увидел вживую, то и вовсе потерял голову. Он не мог налюбоваться: и лицо, и стан, и белая кожа, и чёрные волосы — всё было прекрасно. А когда юноша злился, уголки его глаз краснели, а взгляд становился таким, что сердце замирало.

Когда Вэй Сяо только принёс его в крепость, ему хотелось тут же взять его. Но нет. Он собирался прожить с ним долгую жизнь. Хоть родителей у них и не было, и Дуань Фэньюэ,

будучи из столицы, не нуждался в местных обрядах, но свадебный пир, снятие фаты и брачная ночь в праздничных одеждах — всё это должно было быть. Поэтому мужчина и терпел до сих пор.

В комнате Дуань Фэньюэ, одетый в свадебный наряд, метался из угла в угол, переворачивая всё в сундуках. Он вытер пот рукавом, продолжая что-то искать и бормотать:

— Где мой хлыст? Куда он его дел?

Этот хлыст был подарком отца на его совершеннолетие, реликвией. Не найдя его, юноша совсем пал духом. Когда он опустил рукав, в нос ударил резкий запах дешёвых благовоний, от которого закружилась голова.

Дуань Фэньюэ сморщил нос и опёрся о туалетный столик. Если бы не та одежда, пропитавшаяся пылью, потом и запахом этого бандита, он бы ни за что не надел этот дурацкий наряд! Фасон старый, ткань грубая, кожа под ней уже покраснела.

Шум снаружи постепенно стих. Дуань Фэньюэ понял, что времени на поиски нет, нужно бежать. Но когда те две женщины уходили, он мельком видел, что у двери стоят два здоровенных охранника. Он и с хлыстом не был уверен, что справится с ними, а уж без него и подавно.

Поразмыслив, он решил, что единственный путь к спасению — через окно. Дуань Фэньюэ притащил табурет, поставил его на туалетный столик, прижал, чтобы убедиться в устойчивости, и, оперевшись на подлокотник кресла, взобрался наверх.

Рукава свадебного наряда были широкими, а подол — длинным. Дуань Фэньюэ, придерживая одежду, с трудом встал на столик. Едва он перевёл дух, как снаружи раздался щелчок.

Звук открывающейся двери.

<http://bllate.org/book/15963/1663025>